

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.592-603>

EDN: JQKKBY

Религиозные институты урегулирования конфликтов в современном обществе: на примере Татарстана

И.А. Мухаметзарипов

Центр исламоведческих исследований

Академии наук Республики Татарстан

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Казань, Российская Федерация

tuhametzaripov@mail.ru

Резюме. Религиозные институты урегулирования конфликтов – это ценности, нормы, правила и способы разрешения противоречий, закрепленные в религиозной традиции и реализуемые в рамках религиозных объединений. Основными практиками выступают переговоры, медиация, арбитраж и судейство. В иудаизме верующие обращаются за помощью в раввинские суды, в христианстве – к руководителям приходов и в церковные учреждения. Исламская система знает примирение (*сульх*), арбитраж (*тахким*), судейство (*када*). Отличительными чертами религиозных методов являются их гибкость, меньшая формализованность и затратность. Хотя в условиях модернизации и секуляризации религия лишена доминирующего положения в сфере регулирования общественных отношений, по мере возрождения интереса к религии традиции вновь актуализируются, хоть и частично, с новым содержанием. Решения религиозных медиаторов, арбитров и судей не имеют юридической силы, силовое принуждение невозможно, поэтому на первое место выходят апелляция к вере, сознательности и общечеловеческим ценностям сторон, богословская аргументация, поиск взаимовыгодного выхода из ситуации. В Татарстане примером такой деятельности являются имамы и казыи Духовного управления мусульман, неформальные посредники из бизнес-сообщества, знатоки шариата. Не все мусульмане обращаются к указанным посредникам, ценностно-нормативные и институциональные предпочтения верующих в сфере брачно-семейных отношений, раздела наследства, выбора альтернативных способов урегулирования споров зависят от личных предпочтений, гендерных различий, обстоятельств ситуации. Тем не менее, возрождение традиций в данной сфере может послужить хорошим подспорьем в профилактике нарушений в социуме и налаживании коммуникации на уровне семьи, религиозных и иных сообществ.

Ключевые слова: религия, медиация, арбитраж, судейство, шариат, мусульмане, Татарстан.

Для цитирования: Мухаметзарипов И.А. Религиозные институты урегулирования конфликтов в современном обществе: на примере Татарстана. *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №4. С. 592–603. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.592-603> EDN: JQKKBY

Religious institutions for conflict resolution in modern society: the case of Tatarstan

I.A. Mukhametzaripov

Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan (Volga region) Federal University

Kazan, Russian Federation

muhametzaripov@mail.ru

Abstract. Religious institutions for conflict resolution are values, norms, rules and methods of resolving contradictions, which are enshrined in the religious tradition and implemented within the framework of religious associations. The main practices include negotiation, mediation, arbitration, and judging. Believers in Judaism turn to rabbinical courts for help; in Christianity, people turn to parish leaders and church institutions. The Islamic system knows reconciliation (sulh), arbitration (tahkim), and judging (qada). Distinctive features of religious methods are their flexibility, a less degree of formalisation and cost. Although in the conditions of modernisation and secularisation religion is deprived of a dominant position in the sphere of regulating social relations, with the revival of interest in religion, traditions gain newfound relevance, albeit partially, with new content. The decisions of religious mediators, arbitrators and judges have no legal force, forceful coercion is impossible, so the appeal to the faith, consciousness and universal values of the parties, theological argumentation, and the search for a mutually beneficial way out of the situation come to the fore. In Tatarstan, examples of such activities include the work of the Muslim Religious Board imams and qadis, informal intermediaries from the business community, and experts in Sharia. Not all Muslims turn to the mentioned intermediaries; the value-normative and institutional preferences of believers in the field of marriage and family relations, division of inheritance, and the choice of alternative methods of resolving disputes depend on personal preferences, gender differences and the circumstances of the situation. Nevertheless, the revival of traditions in this area can serve as a good help in preventing violations in society and establishing communication at the family, religious and other communities level.

Keywords: religion, mediation, arbitration, judging, Sharia, Muslims, Tatarstan.

For citation: Mukhametzaripov I.A. (2024) Religious institutions for conflict resolution in modern society: the case of Tatarstan. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 4: 592–603. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-4.592-603> (In Russ.)

Религия продолжает играть существенную роль в социуме, несмотря на процессы модернизации, секуляризации и урбанизации. Принципы светского государства, такие как свобода вероисповедания и автономия религиозных объединений, позволяют руководствоваться религиозными нормами в рамках законодательства, как в обрядовой сфере (поклонение, праздники, имянаречение, похороны, поминки), так и в области межличностных отношений: брак и семья, имущественные, финансовые вопросы. Регулятивная функция религии подверглась серьезной трансформации. Будучи ограниченными государством, религиозные нормы и институты утратили монопольный статус и интегрировались в качестве части социетального общества, став органичным дополнением нашей

повседневности, в которой общинность и обычаи уступили место светским учреждениям, индивидуальным правам и свободам.

Постсекулярность внесла свои коррективы: на постсоветском пространстве в 1990–2000-х гг. произошло оживление религиозной жизни, ранее носившей полулегальный и порицаемый характер. Вера, религиозные практики и объединения перестали восприниматься как пережитки прошлого, религиозные лидеры стали активно участвовать в политической и общественной деятельности. Вместе с верой возрос интерес к ценностно-нормативной составляющей религиозных учений, стали востребованы специалисты по шариату, *галахе*, каноническому праву, способные грамотно расторгнуть религиозный брак, разделить наследство согласно божественным предписаниям, организовать бизнес с учетом религиозных ограничений. Нормативный плюрализм как следствие модернизации и усложнения социальных связей, с одной стороны, включает в себя религиозную составляющую, с другой – изменяет модели поведения, когда индивиды свободны в выборе вариантов в зависимости от личных предпочтений, окружения и обстоятельств ситуации. Исследование процессов урегулирования конфликтов на основе вероисповедных ценностей и правил в такой ситуации приобретает особый интерес.

Конфликт представляет собой неотъемлемую часть социального взаимодействия. Любой социум несовершенен, в нем всегда присутствуют потенциальные или явные противоречия. Конфликтность, согласно К.Ю. Боулдингу, Л. Козеру и Г. Зиммелю, есть результат несовпадения личных и групповых целей, ценностей, желаний и чувств, в основе которых лежит борьба за статус, ресурсы и власть. Соперничающие стороны стремятся устранить противоречия в конструктивном (выработка взаимовыгодных условий) или деструктивном ключе (нанесение вреда и ликвидация оппонента), в чем проявляются негативный и позитивный аспекты конфликта (Boulding, 1988: 1–6; Coser, 1964: 8, 54; Simmel, 1971: 70–71). Р. Дарендорф считал лучшим способом разрешения конфликта такое урегулирование, при котором стороны учитывают позиции друг друга, соблюдают правила, а органы регулирования автономны, их решения обоснованы и обязательны (Darendorf, 1959: 223–228).

В теории конфликтов выделяют четыре практики урегулирования конфликтов: переговоры сторон (непосредственные и с участием посредников), медиация (переговоры, организуемые третьим лицом согласно определенному плану), арбитраж (выбор сторонами третейского судьи), судейство (обращение к профессиональному судье, решение которого опирается на принуждение). Первые три практики в контексте светского государства, закрепившего за собой исключительное право на судейство и наказание в виде системы правоохранительных органов, принято именовать системой «альтернативного разрешения споров» (АРС) (Baker, 2012: 157–202; Broyde, 2016: 793–822). Судейство, таким образом, не относится к АРС, но подобная классификация не учитывает судейство, осуществляемое религиозными объединениями. К примеру, внутренние религиозные дисциплинарные суды осуществляют принуждение в виде исклю-

чения индивида из организации за проступки, несовместимые с догматами и регламентами. Поэтому религиозное судейство, на наш взгляд, также следует относить к АРС.

Принципы, нормы и практики религиозных объединений в сфере разрешения межличностных, внутригрупповых и межгрупповых противоречий образуют религиозные институты урегулирования конфликтов. В религиозных традициях представлены все перечисленные выше практики, которые реализовывались в разных сочетаниях на протяжении истории. Их общечеловеческая сущность едина: недопустимость эскалации конфликта и проявлений насилия, мирное урегулирование и сохранение коллектива. Религиозные нормы и практики отличаются большей гибкостью, в сравнении формализованными государственными установлениями. Конечно, подробная регламентация действий религиозного медиатора или арбитра помогает сделать процесс более объективным, и религиозные объединения работают над этим, принимая положения и инструкции для религиозных посредников и духовенства. Однако более тесный межличностный контакт, понимание глубинных причин конфликта, большая доступность религиозных деятелей для неформального общения делает данный вид урегулирования конфликтов хорошим дополнением к досудебному разрешению противоречий и вносит вклад в профилактику нарушений. Религиозные медиаторы своими советами способны помочь достижению согласия между сторонами, арбитры – примирить на основе религиозных текстов и примеров праведников и святых, судьи – выступить посредниками благодаря своему опыту и авторитету, не сводя разбирательство к формальному суду.

Религиозные подходы к урегулированию конфликтов менее затратны с точки зрения материальных и временных потерь, дают возможность сохранить межличностные связи за счет добровольности, непубличности, авторитета посредников и священных текстов. Переговоры сторон могут продолжаться медиацией, в случае неудачи трансформироваться в арбитраж, при необходимости завершаться судейством. Процедуры в большинстве своем обратимы, к предыдущей стадии можно вернуться по согласию сторон. Исполнение решений добровольно, поскольку в светском государстве решения религиозных органов не имеют юридической силы. Принуждение со стороны единоверцев и применение к ним насилия противоречит свободе совести и уголовно наказуемо.

Религиозные практики урегулирования конфликтов не должны подменять собой институты светского государства. Коллективное право на свободу вероисповедания и принцип автономии религиозных объединений не должны нарушать права индивидов, членов религиозных групп, приводить к архаизации правового поля, анклавизации этнорелигиозных сообществ (Helfand, 2011: 1294; Wolfe, 2006: 427–430). Попытки формирования религиозной «параллельной юстиции» с целью внесудебных расправ с несогласными угрожают не только гражданам, обществу и государству, но и наносят урон авторитету религий в общественном сознании.

На данный момент религиозные суды, арбитражи и органы медиации в России не признаются третейскими судами и учреждениям альтернативного урегулирования конфликтов, поскольку не отвечают всем требованиям закона¹. Лишь Закон о свободе совести 1997 г. позволяет данным институтам функционировать легально в качестве внутренних органов религиозных объединений, реализующих внутренние религиозные установления². В остальном это неформальная деятельность вне правового поля. Некоторые отечественные авторы настаивают на допустимости законодательного оформления религиозных органов наподобие светского третейского суда (Сюкияйнен, 2014: 56–60). На наш взгляд, придание юридической силы решениям религиозных арбитражей требует тщательной проработки, поскольку очевидны конфликты между религиозным и современным пониманием прав и свобод: статус женщин и представителей других исповеданий, принципы равенства и состязательности при проведении процедур, независимость арбитра от руководства религиозной организации и т.д.

Отметим, что в последние годы отечественные политики все больше обращают внимание на регулятивный потенциал религии. Анализ положений Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³ позволяет заключить следующее: 1) традиционные ценности представляют собой мировоззренческие нравственные ориентиры, переданные от предков и укрепляющие гражданское единство; 2) к традиционным ценностям отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, гражданственность, ответственность за судьбу Отечества, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов; 3) задача традиционных ценностей в укреплении единства, сбережении народа и развитии человеческого потенциала; 4) особую роль в укреплении традиционных ценностей играют христианские (в первую очередь, православные), исламские, буддистские, иудейские и другие религиозные организации. Таким образом, государство также заинтересовано в активности религиозных организаций с целью профилактики конфликтов и укрепления единства общества.

¹ Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации», Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

² Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

³ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В иудаизме регулирование отношений возложено на раввинов. Раввинский суд (*бейт-дин*) – это коллегиальный орган еврейской общины, состоящий из наиболее мудрых, опытных и образованных членов сообщества, занимающийся как обрядовыми и сугубо религиозными вопросами (например, *кашрут*, *гиюр*), так и брачно-семейными, наследственными, имущественными и предпринимательскими делами. Несмотря на особое внимание вопросам арбитража и судейства в галахической литературе, наилучшим *даяном* (судьей) считается тот, кто добивается примирения сторон (*нишара*) до вынесения решения по религиозному закону. Христианские практики более разнообразны в плане внешнего оформления, что обусловлено организационными формами католицизма, православия и протестантизма: здесь можно обнаружить как узкоспециализированное церковное судейство, обеспечивающее внутриорганизационную дисциплину среди духовенства, преподавателей и иных работников религиозных организаций, так и практики переговоров и медиации на уровне приходов разных христианских конфессий. Внецерковные христианские ассоциации также занимаются предоставлением посреднических и консультационных услуг для широкого круга лиц. Покаяние, прощение, примирение и саморефлексия – основополагающие принципы Нового завета. Мусульманские практики аналогичны христианству и иудаизму: мусульмане должны добиваться примирения (*сульх*) друг с другом и с окружающими, в случае споров прибегать к арбитражу (*тахким*), исправлять нарушения при помощи судейства (*када*). Мусульманские объединения часто прибегают к указанным процедурам, как неофициально в рамках махаллей (общин) или частных договоренностей (например, между супругами или предпринимателями), так и в рамках официальных органов на уровне организаций в виде кадиятов или отделов медиации, разбирающих дела на основе норм шариата.

Исламская традиция предлагает широкий набор для решения конфликтных ситуаций и установления мирного сосуществования. Мусульмане издавна использовали практики *сульха*, *тахкима* и *кадията* по отдельности или в различном сочетании в зависимости от предмета и особенностей конфликта. Например, спор супругов или соседей регулировался посредством одной или нескольких практик, к которым нередко прибегали поэтапно (переговоры–медиация–арбитраж–судейство). Можно говорить о существовании в исламе органов урегулирования конфликтов низшего, среднего и высшего звена, что было обусловлено, с одной стороны, общей логикой развития уммы и государства. Сначала стороны ведут переговоры, привлекают третьих лиц в качестве посредников, затем избирают арбитра, в дальнейшем обращаются к шариатскому судье. В мусульманских регионах современной России такими органами могут выступать рядовые верующие, представители бизнеса и духовенства, формальные и неформальные религиозные лидеры, обладающие соответствующими знаниями и опытом.

Урегулирование конфликтов, согласно исламу, предусматривает: 1) следование предписаниям шариата; 2) полное изучение всех обстоятельств дела и за-

слушивание участников; 3) стремление к примирению оппонентов; 4) вынесение решения по справедливости; 5) веру в наказание от Аллаха; 6) обещание награды от Аллаха тем, кто справедлив и соблюдает шариат. Хотя мусульманское учение сформировало данные принципы много столетий назад, они оказались актуальны и востребованы в постсекулярную эпоху. Более того, можно говорить о своеобразном возвращении традиции: если в условиях средневековой уммы наблюдалась тенденция к дифференциации религиозных посредников и судей в зависимости от их полномочий, то теперь роли мусульманских медиаторов, арбитров и кадиев во многом сближаются, поскольку для урегулирования конфликтов между мусульманами оказались нужны люди с широкими компетенциями. Представитель духовенства или предприниматель с навыками арбитра-медиатора может содействовать в решении конфликта больше, чем узкоспециализированный теолог.

После распада СССР мусульманские практики урегулирования конфликтов на территории нашей страны вновь актуализировались. К сожалению, шариатские суды в СМИ стали ассоциироваться с радикальным исламом, попытками создания «халифата». Этот образ во многом сформировался по объективным причинам: в Чечне 1990-х, Сирии и Ираке 2010-х годов «шариатские суды» часто использовались для оправдания насилия в отношении несогласных. Однако шариатское правосудие не сводится лишь к применению калечащих наказаний и смертной казни за религиозные преступления, а относится к широкому спектру вопросов: развод между супругами, раздел наследства, земельный спор, компенсация нанесенного вреда, примирение враждующих сторон и т.д.

Поликультурная и поликонфессиональная среда Татарстана, сформировавшаяся в результате долгого соседства двух крупных этнорелигиозных групп (татар-мусульман и русских-православных), а также увеличения в советский период числа носителей нерелигиозного (светского) мировоззрения, привела к изменению восприятия ценностей и норм ислама. Сформировались новые традиции, отражающие отечественные модернизационные процессы XX в.: парный брак, эгалитарная семья, равноправие женщин. Гендерная принадлежность верующих, проживающих в социуме с конкурирующими нормативными порядками (светское законодательство, религиозные нормы, этнические обычаи, корпоративные правила), обуславливает те или иные предпочтения при выборе моделей поведения, при этом выбор конкретных норм определяется обстоятельствами ситуации, оценкой вероятных последствий, затрат и приобретений.

В 2020–2021 гг. нами были проведен опрос представителей трех групп жителей республики, преимущественно татар и русских: мусульмане, христиане, «нерелигиозные» граждане (атеисты, агностики; лица, не отнесшие себя к какому-либо вероисповеданию). Респондентам предлагалось ответить на следующие вопросы: 1) порядок заключения и расторжения брака; 2) вероисповедание супруга; 3) брачный дар; 4) отношение к многоженству; 5) распределение прав и обязанностей супругов в семье; 6) раздел наследства между родственниками; 7) выбор между светскими и религиозными институтами урегулирования

конфликтов в ситуации невозврата денежного долга; 8) предмет обращений к религиозным деятелям в конфликтных ситуациях; 9) осведомленность о подобных обращениях со стороны родственников и знакомых (ПМА, 2021)⁴.

Опрос показал, что соблюдение религиозных норм в современном поликультурном социуме зависит от ряда факторов: 1) особенности религиозной нормативной системы (степень охвата социальных сфер, количество и характер предписаний); 2) гендерная принадлежность (большинство женщин стремится к изменению роли и равенству, тогда как часть мужчин желает сохранить привилегии, не соблюдая религиозные обязательства); 3) социально-правовые условия (распространенные в обществе практики брачно-партнерских отношений; отсутствие общественного и государственного принуждения к соблюдению религиозных норм); 4) обстоятельства ситуации (стремление исправить «несправедливость» либо получить выгоду посредством сочетания светских законов с религиозными предписаниями). Например, в вопросе о распределении долей при разделе наследства после умерших родителей согласно патриархальной традиции (брат получает большую долю, чем сестра), светскому праву (доли распределяются поровну между братом и сестрой) или принципу справедливости (большую долю получает тот, кто заботился о родителях) женщины и мужчины демонстрировали оперирование религиозными и светскими нормами в зависимости от предполагаемых приобретений. Многие верующие женщины стремились исправить неравенство, возникающее в пользу мужчин при следовании религиозным нормам, аргументируя свою позицию затратами на достижение одобряемых обществом целей (забота о родителях), тогда как значительная часть мужчин предпочитала получить большую долю только в силу религиозных предписаний. В особенности указанные различия проявились в мусульманской среде, тогда как среди христиан ответы примерно соответствовали ответам нерелигиозной группы (меньшинство выбрало принцип справедливости, большинство – формальное равенство).

По второму блоку вопросов, касавшихся обращения к религиозным институтам урегулирования конфликтов, были получены следующие результаты: 1) мусульмане чаще христиан прибегают к указанным институтам для рассмотрения дел о браке, семейных взаимоотношениях, разделе наследственных долей, ведении бизнеса; 2) в мусульманской среде наряду с духовенством важную роль играют специалисты по шариату и авторитетные единоверцы, что не характерно для христиан, в большинстве ограничивающихся обращением к священнослужителям. Востребованность исследуемых институтов среди мусуль-

⁴ Количество респондентов: 319 чел., 151 муж. (47%), 168 жен. (53%). Возраст: 18–24 лет (52%), 25–44 лет (39%), 45 лет и старше (9%). Населенные пункты: Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Чистополь и др. Этническая принадлежность: русские (45%), татары (35%), иные национальности (6%); смешанная этническая идентичность (2%), не указавшие национальность (12%). Религиозная принадлежность: ислам (105 чел., 51 муж., 54 жен., 33%), христианство (105 чел., 50 муж., 55 жен., 33%), «нерелигиозные» респонденты (109 чел., 50 муж., 59 жен., 34%).

ман значительно выше, чем у христиан, ответы которых во многом сближались с ответами нерелигиозных респондентов. Следует отметить, что в Татарстане мусульмане прибегают к помощи знатоков шариата гораздо реже, чем, например, в республиках Северного Кавказа. Различия объясняются более свободным отношением к традиционным нормам в мусульманском сообществе Татарстана, допускающем различные варианты. Находясь в поликультурной и многоконфессиональной урбанизированной среде с преобладанием эгалитарных установок, нуклеарных семей и слабого контроля со стороны окружающих (старшего поколения, родственников), верующим проще индивидуализировать свою модель поведения под свои запросы, что в итоге формирует более гибкую систему межличностных и внутригрупповых отношений. В таких условиях имамы, казыи и другие специалисты по шариату выполняют скорее роль консультантов и примирителей, стремящихся переубедить стороны в личных беседах, нежели лидеров джамаатов, опирающихся на общественное порицание.

В Татарстане регуляторами спорных ситуаций могут быть как опытные мусульмане с глубокими познаниями в шариате и фикхе, так и представители духовенства: имамы и казыи (кадии). Совет казыев ДУМ РТ выступает коллегиальным органом по особо сложным делам. Большую часть обращений составляют брачно-семейные дела, в основном связанные с разводом (*талак*). Вне системы муфтията, например, в предпринимательской сфере, действуют медиаторы и арбитры, имеющие знания в сфере ислама и соответствующий опыт. К примеру, члены Совета по исламскому праву Российского центра исламской экономики и финансов, эксперты по исламской экономике казанской коммерческой организации «Финансовый дом «Амаль»», эксперты по фикху консалтинговой компании «Золотой сундук» (Набережные Челны). В сфере бизнеса нужно разбираться не только в религии, но и в светском праве, особенностях ведения документации, заключения соглашений, быть знакомым с судебной практикой.

Приведем несколько примеров мусульманской медиации, арбитража и судейства, опубликованных в СМИ и интернет-источниках Татарстана в последнее время. В 2018–2019 годах между мусульманкой-психологом Х. Шайдуллиной и консервативной частью мусульманского сообщества республики произошли разногласия по поводу межпоколенных взаимоотношений в мусульманских семьях, и один из мусульманских блогеров опубликовал статью о том, что Х. Шайдуллина подает пример плохого отношения женщин к свекровям, тем самым разрушая татарские семьи. Психолог же считала свои высказывания соответствующими положениям ислама. Один из имамов ДУМ РТ предложил свои услуги в качестве посредника между сторонами. Процедура примирения была проведена в кафе с участием блогера, психолога, ее мужа и представителя духовенства⁵.

⁵ Телеграм-канал мусульманского психолога Хавы Шайдуллиной «Дневник Хавы». Сообщение от 28 августа 2022 г., 17:24. URL: https://t.me/khava_shaidullina (дата обращения: 4.04.2023).

В январе 2023 г. казый Казани Б.Р. Мубараков был обвинен в нарушении норм шариата мужем мусульманки, подавшей казыю заявление на талак. Со слов мужа, казый вступил в сговор с его женой, отнесся к мужчине предвзято и разрешил супруге развестись без его согласия. Более того, мужчина опубликовал пост в интернете, скандал перешел в публичную плоскость. ДУМ РТ и Совет казыев были вынуждены реагировать, попросив казыя заново рассмотреть дело. Оказалось, что муж многократно не являлся к казыю, несмотря на обращения своей жены и религиозного деятеля, уклонялся от материального обеспечения супруги и общих детей. Муж под давлением доказательств и аргументации казыя признал правомерность талака⁶. Как видим, в данной ситуации традиционный институт, который многими воспринимается как продукт патриархального общества, встал на защиту прав женщины, который было важно получить религиозный развод. В таких вопросах светские учреждения помочь не могут.

Еще один пример связан со сферой бизнеса. Двое казанских мусульман-предпринимателей (татарин и турок) открыли халяльное кафе, однако не оформили документы о долях в бизнесе, ограничившись устными договоренностями. Все имущество формально было зарегистрировано на турка, но второй партнер вносил собственные денежные средства на развитие кафе. Позднее между предпринимателями произошел конфликт, «неформальный» партнер попросил выделить ему положенную долю. Стороны не смогли разойтись полюбовно, поэтому в 2019 г. пригласили в качестве арбитров двух известных в республике экспертов по шариату Б.Ф. Мулюкова и Р.Б. Бикбаева. Арбитры рекомендовали разделить доли, исходя из реальных вложений бизнесменов. Однако стороны вновь не смогли договориться, совет экспертов добровольно исполнен не был⁷. Подводным камнем оказался неформальный характер религиозного арбитража, отсутствие у решения юридической силы. Стороны в таких случаях прибегают к светским механизмам, обращаясь в судебные и правоохранительные органы, однако при отсутствии документального подтверждения получить желаемое часто невозможно. Из-за этого муфтият республики советует мусульманам надлежащим образом оформлять договоры и не верить на слово единоверцам, даже клятвенным заверениям.

Как видим, регулятивная функция религии в постсекулярном обществе выражается не только в индивидуальном поведении верующих и деятельности религиозных организаций, но также и в институтах урегулирования конфликтов. Если для верующих важны религиозные ценности и нормы, то для них также актуально решение спорных ситуаций с участием религиозных деятелей

⁶ Отец 6 детей пожаловался, что казый Казани «незаконно» развел его с женой. 30 января 2023. URL: <https://islamnews.ru/2023/1/30/otets-6-detey-iz-kazani-obvinil-kazyuya-v-nezakonnom-gazvode> (дата обращения: 4.04.2023).

⁷ Ваганова В. «Бизнес есть бизнес»: как инвесторы из Казани и Турции делят кафе Tawooks. 17 марта 2021. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/502540> (дата обращения: 4.04.2023).

и знатоков вероучения. При этом следует учитывать ограниченность религиозных практик в условиях светского государства, поскольку юридической силы решения религиозных посредников не имеют. Тем не менее, на фоне актуализации дискурса о традиционных ценностях, опыт религиозных сообществ может быть полезным дополнением к системе досудебного регулирования конфликтов. В Татарстане стоит отметить сохранившиеся у татар-мусульман традиции *сульха*, *тахжима* и *кадията*, в лице как официальных представителей муфтията республики, так и представителей уммы, знающих шариат. Конечно, на ценностно-нормативные и институциональные предпочтения современных мусульман оказывают влияние, в первую очередь, социальное окружение, гендерные различия и обстоятельства ситуации, и к религиозному урегулированию стремятся не все, но частью верующих перечисленные практики оказываются востребованными. Полагаем, что вероисповедные институты урегулирования межличностных и внутригрупповых конфликтов могут помочь в профилактике эскалации конфликтов, для чего со стороны религиозных организаций потребуется усиление социального служения, активизация работы с семьями, общинами, локальными коллективами.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

ПМА, 2021 – Полевые материалы автора в виде результатов анкетирования жителей Республики Татарстан, проведенного Центром исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан в ноябре 2020 г. – декабре 2021 г. (интервьюеры И.А. Мухаметзарипов, И.Р. Гафиятуллина).

ЛИТЕРАТУРА

Сюкияйнен Л.Р. Шариатские суды: современная практика и перспективы в России // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 45–62.

Baker A.M. A Higher Authority: Judicial Review of Religious Arbitration // Vermont Law Review. 2012. Vol. 37. P. 157–202.

Boulding K.E. Conflict and Defense. A General Theory. Lanham: University Press of America, 1988.

Broyde M.J. Multicultural ADR and Family Law: A Brief Introduction to the Complexities of Religious Arbitration // Cardozo Journal of Conflict Resolution. 2016. Vol. 17. P. 793–822.

Coser L. The Functions of Social Conflict. New York: The Free Press, 1964.

Darendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959.

Helfand M.A. Religious Arbitration and the New Multiculturalism: Negotiating Conflicting Legal Orders // New York University Law Review. 2011. Vol. 86, No. 5. P. 1231–1305.

Simmel G. On Individuality and Social Forms / ed. D.N. Levine. Chicago: The University of Chicago Press, 1971.

Wolfe C.L. Faith-Based Arbitration: Friend or Foe? An Evaluation of Religious Arbitration Systems and Their Interaction with Secular Courts // *Fordham Law Review*. 2006. Vol. 75, No. 1. P. 427–469.

REFERENCES

Baker A.M. (2012) A higher authority: Judicial review of religious arbitration. *Vermont Law Review*. Vol. 37: 157–202.

Boulding K.E. (1988) *Conflict and defense. A general theory*. Lanham: University Press of America.

Broyde M.J. (2016) Multicultural ADR and family law: A brief introduction to the complexities of religious arbitration. *Cardozo Journal of Conflict Resolution*. Vol. 17: 793–822.

Coser L. (1964) *The functions of social conflict*. New York: The Free Press.

Darendorf R. (1959) *Class and class conflict in industrial society*. Stanford: Stanford University Press.

Helfand M.A. (2011) Religious arbitration and the new multiculturalism: Negotiating conflicting legal orders. *New York University Law Review*. Vol. 86. No. 5: 1231–1305.

Simmel G. (1971) *On individuality and social forms*. Ed. D.N. Levine. Chicago: The University of Chicago Press.

Syukiyaynen L.R. (2014) Sharia courts: contemporary practices and perspectives in Russia. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. No. 4: 45–62. (In Russ.)

Wolfe C.L. (2006) Faith-based arbitration: Friend or foe? An evaluation of religious arbitration systems and their interaction with secular courts. *Fordham Law Review*. Vol. 75. No. 1: 427–469.

Сведения об авторе: Мухаметзаринов Ильшат Амирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Лево-Булачная, 36а, Казань, Российская Федерация); старший научный сотрудник Научно-экспертной лаборатории экспертиз социогуманитарного профиля, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-2708-5369>; e-mail: muhametzaripov@mail.ru

About the author: Ilshat A. Mukhametzaripov, Cand. Sc. (History), Leading Research Fellow, Center for Islamic Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (36a Levo-Bulachnaya St., Kazan 420111, Russian Federation); Senior Research Fellow at the Scientific Expert Laboratory for Socio-Humanitarian Expertise, Kazan (Volga region) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-2708-5369>; e-mail: muhametzaripov@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 26.04.2024

Доработана после рецензирования / Revised 24.06.2024

Принята к публикации / Accepted 9.08.2024